

СІ
С-302

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОИСК 891

МОСКВА

1981 г.

С-302

Юлиан СЕМЕНОВ

П О И С К 891

=====

Опыт театральной журналистики

№ А-10201
от 13/1-1981 г.

Репертуар Московского
театра "Современник"

Пьеса направлена для распростра-
нения Управлением театров Мини-
стерства культуры РСФСР

Ответственный редактор Г.БОГОЛЮБОВА

ВИАП-ИНФОРМ

103012, Москва, проезд Садунова, д. 5

- 1981 -

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СТЕПАНОВ.

ФОРСТ.

ФРАУ ФОРСТ

- его жена.

ОПИТЦ

- их родственник.

ГРАФИНЯ ДЕДХОФ

- редактор газеты.

ДЕПУТАТ РЕГТЕР.

БУНВЕХАВЕН.

ПОЛЬ

- служащий у Бунвехавена.

ДОРН

- начальник отдела тайной полиции
Мюнхена.

ВАЛЬТЕР

СОТРУДНИК

- люди из тайной полиции.

НЕКТО

КРОС

- прокурор.

АРХИВАРИУС.

СВЯЩЕННИК.

ШТАУБЕ-МАЙЕР.

СУЗИ.

АУКЦИОНЕР.

ЖОРЖ НАХ

СЕЖО

- свидетели.

КОЛЕР

ДЕ ГРООП

ЧИЛОВНИК.

ЖУРНАЛИСТ.

П Р О Л О Г

Идет хроника.

ХРОНИКА. С речью, одной из последних, выступает Гитлер. На сцене эсэсовцы Бунвехавен, Штаубе, Дорн, Поль, Форетц - в нацистской форме.

ШТАУБЕ. Шарфюрер Поль!

ПОЛЬ. Я!

ШТАУБЕ. Штурмбанфюрер Бунвехавен!

БУНВЕХАВЕН. Я!

ШТАУБЕ. Штурмбанфюрер Дорн!

ДОРН. Я!

ШТАУБЕ. Мои дорогие товарищи по партии великого фюрера, сегодня, 20 апреля сорок пятого года, в день рождения Адольфа Гитлера, запомните: военное поражение не есть идейный разгром. Мы восстанем из пепла... Наша задача: исчезнуть и раствориться! Нам надлежит ждать того момента, когда придет время вновь сказать нации об исторической миссии национал-социализма.

Вы - люди легенды, за вами будущее, и во имя этого будущего бесценные картины и иконы из Киева, Пскова, Харькова, Риги, Вены, Парижа, которые мы продадим за золото - в нужный момент и в необходимом месте, - дадут нам свободу маневра в борьбе за лидерство. Я молю провидение об окончательном торжестве дела фюрера! Хайль Гитлер!

/Свет еще не снят с гитлеровцев, а уже на просцениум выходят люди в штатском - мужчина и женщина; предъявляют документы полицейским, садятся к пультам слезки - диктофонным и телевизионным, -- и

начинают свою работу; это секретная полиция Мюнхена, наши дни./

БЮРО СОВЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ. Сейчас здесь СТЕПАНОВ и СУПРУГИ ФОРСТЫ. Работает телетайп; слышен стук пишущей машинки.

СТЕПАНОВ /расхаживает с трубкой у уха, разговаривает с кем-то/. Нет, отчего же, я готов передать вам материалы советской прессы о трудностях, которые мы переживаем, -- мы о них пишем не меньше, а больше, чем вы, только давайте уговоримся: не печатайте того, что мы не пишем, и не купируйте то, что мы считаем важным, о'кэй?! /Закрывает трубку телефона, поясняет Форстам./ Простите, пожалуйста, это гамбургский издательский концерн, очень важный разговор!

/ФОРСТЫ понимающе машут руками, раскладывают на столе какие-то документы, вопрошающе указывают на проекционный аппарат, мол, можно ли включить. СТЕПАНОВ, слушая собеседника по телефону, согласно кивает головой. ФОРСТЫ налаживают проекционный аппарат, начинают проекцию каких-то документов на задник./

Нет, только так не надо! Я готов на пальцах доказать, что ваша пресса печатает примерно на девяносто процентов больше негативных материалов о нас, чем мы о вас. Вы мыслите заданными схемами, вы спорите не с нами о нас, а с самим с собою -- это наивно! Увы, я прав. Да нет же, прав... Спросите на улице сто человек у вас, кто такой Довженко или Эйзенштейн -- ни один не ответит. Спросите наших о Ремарке или Феллини -- разни-

ца будет в нашу пользу... Хорошо, проведем эксперимент, согласен... Попробую пробить, хотя, конечно, советская бюрократия - самая бюрократическая в мире... /Смеется./ Да нет, я и в Москве так же шутил бы, только, может, еще злей! Чус! До встречи. /Кладет трубку, обращаясь к Форстам./ Ну, я в вашем распоряжении. Начнем?

ФРАУ ФОРСТ. Мы-то готовы. Первый документ, которому мы придаем чрезвычайное значение, был обнаружен Фрицем двадцать лет назад...

ФОРСТ. Вы садьте, господин Степанов. Вам будет удобнее смотреть с этого кресла.

ФРАУ ФОРСТ. Фриц чуть было не поплатился за этот документ головой...

/Звонит телефон. ФОРСТЫ разочарованно переглядываются./

СТЕПАНОВ. Степанов. Слушаю. Цюрих? Давайте сюда Цюрих. Алло, вы писали, что готовы распространить документы о спекуляции серебром на бирже, господин Делоне... Я могу надеяться, что ваш материал не минуется красную прессу? Да, я русский. Вот как? А демократично ли это? Вы убеждены? А как же свобода обмена мнениями? Что ж, простите... /Оборачивается к Форстам./ Вот скотина, а?! Дает объявление в газете, и...

ФОРСТ. А зачем вы ему сказали, что вы русский?

СТЕПАНОВ. Я ведь рассчитывал оставить ему мой адрес. Написать: "Дмитрий Степанов, корреспондент тайванского телевидения", что ль? Извините, одна минута, ладно?

ФОРСТЫ /вновь разочарованно переглядываясь/. Да, да, конечно...

СТЕПАНОВ /набрав номер/. Барышня, добрый день, соедините меня с шефом бюро "Ассистейтед пресс". Степанов. Россия, спасибо. Алло, Джон, привет тебе, главный противник! Ничего... А ты? Ну и слава богу. Слушай, Джон, да здравствует свобода прессы и журналистская корпоративность: словом, гад из Цюриха, ты знаешь его фирму, отказался дать мне материал о биржевиках. Закажи у него два, а? Один на мою долю. Спасибо, классовый враг, привет тебе, обнимаю!

СТЕПАНОВ /Форстам/. Ну, слава богу... Я весь внимание...

ФОРСТ. Меня не очень-то пускают в архивы... Нет, нет, меня не имеют права не пустить, каждый может работать там, но если за тебя никто не хлопотал, если нет рекомендательных писем и финансовых гарантий, это всегда и всюду трудно... У вас, наверняка, тоже... Но я смог обхитрить всех. Я сказал, что занимаюсь уголовниками ганзейских городов и поэтому ишу архивы Нарвы и Ревеля — эти города активно торговали с Гамбургом.

ФРАУ ФОРСТ. Потом во Фрица влюбилась главный архивариус...

ФОРСТ. Ах, Эва, прошу тебя...

ФРАУ ФОРСТ. Ради дела мне пришлось закрыть на это глаза...

ФОРСТ. Словом, через полгода работы я смог подкрасться к архивам не ганзейских уголовников, а нацистских...

/Звонок телефона./

СТЕПАНОВ /снимает трубку/. Степанов. Алло, громче! Погоди, я подключу запись! /Налаживая запись по телефону, объясняет Форстам./ Звонит коллега, ведет прямой репортаж. /Включает запись на всю мощность, запись идет на зал, слышен

голос журналиста: " Я веду этот репортаж с улицы, где молодчики с кастетами, в черном, с портретами Гитлера на лацканах, демонстрируют перед зданием бюро компартии, требуя..." /

/Резкий обрыв записи./

Алло, алло, Пауль, алло! /Форстам./ Ну, дальше...

ФОРСТ. Господин Степанов...

ФРАУ ФОРСТ. Фриц, подожди. Мы, господин Степанов, конечно, все понимаем, но мы никак не можем пробиться к вам...

Фриц, лучше-ка расскажи о Париже...

ФОРСТ. Господин Степанов, в прошлом году мы хорошо продали яблоки из нашего сада и потому смогли съездить в Париж... Может быть - чтобы вы поняли нас, если, конечно, захотите понять, - стоит послушать ряд записей?

СТЕПАНОВ /рассеянно/. Да, да, с огромным интересом...

Что ж там с Паулем, черт возьми... /Стучит по рычагу телефона./

/ФРАУ ФОРСТ включает запись своего диктофона.

Звучит голос./

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Я, Эрика Кубенмаххер, узница Равенсбрюка, работала в калийных штольнях Фольприхаузена и могу показать, что туда были привезены и спущены в период с лета сорок четвертого по весну сорок пятого...

/Звонит телефон./

СТЕПАНОВ /снимает трубку/. Я занят.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. ...Двенадцать железнодорожных составов с произведениями искусства, вывезенными из России. Большинство заключенных были нейтрализованы после того, как разложили по полкам эти ценности. "Нейтрализованы" на языке СС означало "расстреляны". Насколько мне известно, среди оставшихся в живых,

знающих о судьбе этих русских ценностей, большинство людей больных и пожилых уже. Мне думается, что француз Нах, с которым я встречалась на пересылочном пункте по дороге в лагерь, знает больше других... /Голос умолкает. Пауза./

ФРАУ ФОРСТ. Следующая запись особенно важна...

ГОЛОС МУЖЧИНЫ. Я Жорж Нах, владелец ателье в Париже... Пожалуйста, пожалуйста, господин Форст, я готов ответить, хотя не очень понимаю, почему вас, немца, так интересуют русские ценности...

/Появляется мужчина. Это ЖОРЖ НАХ./

НАХ. Я Жорж Нах, владелец ателье в Париже... Пожалуйста, я готов дать показания, господин Форст, хотя под присягой их не подтверждаю... Почему? Ну, в конце концов, какое это имеет значение... Да, я был в Дахау и Маутхаузене... Я попал туда достаточно случайно. Тогда, в 40 году, мое ателье находилось в двух шагах от бульвара Распай. Большое ателье, хотя мне едва исполнилось двадцать, - я угадал моду... Мы угадали: я и моя подруга Коллет. Это была самая красивая женщина в мире, не было женщин ее красивее...

/Телефонный звонок в бюро Степанова./

СТЕПАНОВ. Я отключу телефон... /Отключает./

НАХ. О том, что она связана с Сопротивлением, я узнал после того, как нас обоих арестовали в моем ателье. Она молчала, а ее били страшно - при мне. Меня били при ней... Я тоже молчал, может быть потому, что действительно ничего не знал про ее работу в подполье... А потом гестаповцы связали нас спицами к спине и бросили в камеру. И мы так и лежали на полу две недели... Понимаете? Мы не могли подняться... Можете

представить: спина к спине с любимой, самой красивой женщиной на каменном полу? В зловонии, жидкой грязи, — две недели кряду? Словом, когда я попал в лагерь, жизнь показалась мне прекрасной... Я рисовал транспаранты к гитлеровским праздникам. Писал портреты жен эсэсовцев... Сначала я пытался выразить характер, но меня за эту попытку лишили пайка и выпоролы, и с тех пор я стал писать с фотографий, делая жен красивыми, даже черных рисовал голубоглазыми — это особенно ценилось... И чтобы всюду на фоне развевались черно-красно-белые знамена со свастикой... Так вот, по поводу икон... Штаубе, эсэсовец, — велел мне отреставрировать две иконы из России, которые пострадали во время транспортировки — их везли вместе со скотом, кажется, с коровами... Я опознаю эти иконы из тысячи: семнадцатый век, греческая школа... Я, католик, молился на эти православные иконы из Киевского собора, — нам ведь не позволяли молиться в лагере, бог не для отверженных... Куда потом отправили эти иконы, я не знаю... Знаю только, что Штаубе перед гибелью передал их по списку рейхсминистра Розенберга своим партийным товарищам Бунвехавену и Дорну.

/ЖОРЖ НАХ исчезает./

ФОРСТ. Таких показаний за 20 лет мы собрали более тысячи. Но здесь никто не хочет нами заниматься, поэтому мы и решили обратиться к вам за помощью...

СТЕПАНОВ /после паузы/. Вы понимаете, что вам станет еще труднее жить, если я передам материал о вашем поиске в Москву?

ФОРСТ. Кто знает... Здесь считаются с мнением прессы... Может быть, наоборот, искать станет легче.

ФРАУ ФОРСТ. Да, но жить, конечно, будет труднее,
Фриц...

ФОРСТ. Что ж... Я готов... А ты?

ФРАУ ФОРСТ. Иначе я бы не пришла с тобой...

СТЕПАНОВ /снимает телефонную трубку/. Барышня, Москву,
пожалуйста...

Бюро газеты графини Дедхоф

ГРАФИНЯ. Соедините меня, пожалуйста, с депутатом
бундестага Реггером, - если мне не изменяет память, он идет
на выборах от Гамбурга, значит, эти самые супруги Форст должны
будут голосовать именно за него... Алло, добрый день, дорогой
господин доктор Реггер, здесь Эдит Дедхоф.

Бюро депутата Реггера

РЕГГЕР. Добрый день, Эдит, рад вашему звонку.

ДЕДХОФ. Как ваша предвыборная драка, мой друг? Ничего
нового?

РЕГГЕР. Новое - это хорошо забытое старое...

ГРАФИНЯ. Послушайте выдержку из корреспонденции рус-
ского журналиста Степанова... Я раньше что-то не обращала на
него внимания, теперь к нему стоит присмотреться - зубаст,
чувствует минуту... Так вот, некие супруги Форсты ищут какие-то
культурные ценности, вывезенные из России в сорок пятом году.
Степанов этим очень заинтересовался. Выражает удивление, по-
чему этим до сих пор не интересуемся мы...

РЕГГЕР. Полагаете, что во время предвыборной кампании этот материал можно обыграть в интересах коалиции?

ДЕДХОФ. Бесспорно. "Наведение мостов, отрицание гитлеризма, уважение к памятникам русского искусства" — это все на пользу нашего диалога с Кремлем; там чутко реагируют на нашу позицию в отношении культурных контактов...

РЕГГЕР. Степанов, говорите... Обязательно посмотрю... Мы совершенно не читаем русскую прессу, жаль.

ДЕДХОФ. "Мы"? Я против обобщений, мой друг. "Вы" — да, но "я"—нет. Я их прессу читаю. Вас бы не обременила моя просьба, если, конечно, вы со мною согласны, — сделать запрос Федеральному правительству о его позиции в связи с поиском Форста, а ответ, я думаю, мы как-то заранее обговорим с постоянным заместителем министра культуры...

РЕГГЕР. Ну что ж, попробуем, если убеждены, что это поможет нам в предвыборной кампании...

Бюро тайной полиции, которое возглавляет "криминаль-директор" Дорн. Сейчас здесь ДОРН и его
СОТРУДНИК.

СОТРУДНИК. На запрос депутата Реггера постоянный заместитель министра культуры ответил следующее: "Федеральное правительство с интересом и симпатией относится к индивидуальному поиску, проводимому господином Фрицем Форстом. Однако входить в детальное обсуждение его работы мы не можем до той поры, пока он не предоставит достаточно аргументированную архивную и свидетельскую документацию, которая позволит затем экспертам приступить к

исследованию всех аспектов этой проблемы".

ДОРН. "Индивидуальный поиск". Они все-таки отрециваются от него! Что о Степанове?

СОТРУДНИК. Русский, женат, имеет двух детей, коммунист, живет здесь один, материалы передает три раза в неделю...

ДОРН. Очень интересно - справка подобрана просто-таки исчерпывающе, спасибо. А теперь сделайте по моему шаблону, пожалуйста: женщины - сластолюбец, холоден; гомосексуал - актив, пассив? Алкоголик? Наркоман? Библиофил? Филателист? Игрок? Скорость, которую соблюдает на дорогах? Отношение к детям, старикам, коллегам? Мера завистливости? Алчность? Манера одеваться? Это в общих чертах, посчитайте потом на компьютере, за что можно зацепиться... Дело в том, что я увидел возможность комбинации... /Подходит к стене, достает фотографии, прикладывает их к стене./ Итак, Степанов. Графиня, директор газеты. Депутат бундестага Реггер. Министерство культуры, семьи и здравоохранения. Понимаете мою мысль?

СОТРУДНИК. Не совсем...

ДОРН. Поясняю: русское проникновение в высшие этажи власти; их влияние через депутата бундестага Реггера на Федеральное правительство, поскольку отлажен постоянный контакт с заместителем министра... Любопытно, не так ли? Над такой схемой стоит поработать, стоит - до поры - помочь Степанову укрепить этот контакт, не находите? Нет? Да! По глазам вижу -вы "за"! Спасибо, мне приятна поддержка молодых коллег.

СОТРУДНИК. Но я не вижу в конструкции будущей операции Фрица Форста, господин Дорн...

ДОРН. О Форсте не беспокойтесь... Позаботьтесь лучше о моей встрече с прокурором Кросом. Благодарю вас,

вы свободны.

/ДОРН спускается на просцениум в бюро Вальтера, где идет телевизионная слежка и прослушивание./

/Вальтеру./ Начинайте работать со Степановым вплотную. Прослушивание и наблюдение по всем параметрам. Тотально.

/На всех экранах слежения возникает лицо Степанова. ДОРН с любопытством разглядывает его./

Он рыжий?

ВАЛЬТЕР. Блондин.

ДОРН. Какие сигареты курит?

ВАЛЬТЕР. "Честерфильд".

ДОРН. Сколько пачек в день?

ВАЛЬТЕР. Пока не установлено.

ДОРН. Установите, это тоже интересно, - в нашем деле мелочей нет... /Дорн поднимается, идет из просцениума в свой кабинет./

Кабинет Дорна.

Сейчас здесь ДОРН и прокурор КРОС.

КРОС. Он переступает черту закона?

ДОРН. Пока - нет, господин прокурор Крос.

КРОС. А как же тогда я обращусь в МИД с протестом?

С чем они вызовут пресс-аташе советского посольства? Или самого Степанова? С чем?

ДОРН. С чем-нибудь да вызовут.

КРОС. С "чем-нибудь"? Мы живем в демократической стра-

не, и журналист - в пределах закона - волен заниматься тем, чем ему хочется. Это ведь сенсация - поиск похищенного...

Кстати, о Форсте... Господин Степанов платит ему?

ДОРН. Этого установить не удалось. Часть тех счетов за копировку документов в архивах, куда его сейчас допустили, оплатила графиня Дедхоф.

КРОС. Почему?

ДОРН. Если Форст действительно сможет что-либо отыскать, тогда публикация сенсационных документов из архива рейхсляйтера Альфреда Розенберга даст еще большую популярность ее газете. Видимо, только так можно объяснить этот ее шаг.

КРОС. А нет ли у нее каких-либо экономических интересов в России?

ДОРН. Хм... Я изучу такого рода возможность.

КРОС. Что еще?

ДОРН. Я считал совершенно достаточным факт доказанной связи Форста и Степанова, чтобы просить вас дать санкцию на их разработку - прослушивание телефонов, постоянное наблюдение, сбор компроментации.

КРОС. Я пока что не вижу ничего предосудительного в их совместной работе.

ДОРН. Тогда мой дальнейший доклад бесцелен.

КРОС. Экий вы женственный и ранимый... Возрастное? Или все невидимки страдают комплексом ущербности?

ДОРН. Видимо. Только никто из нас не страдает бестактностью, которая есть первый признак шизофрении.

КРОС. Полагаете меня шизофреником?

ДОРН. Да что вы?! Разве бы я стал говорить с ненормальным?

КРОС. Стали бы. В свое время вы не просто говорили с психом, вы одухотворенно выполняли приказы параноика, восторгались им, превозносили до небес великого фюрера немецкой нации...

ДОРН. Стоит ли корить меня ошибками юности?

КРОС. Это так, заметка на полях, к слову пришлось... Больше ничего интересного?

ДОРН /закаменев/. Догадки, господин Крос, одни догадки... Прокуратура ими, видимо, не интересуется?

КРОС. Да, что касается догадок, то это не по моей части. Звоните, если появится что-либо существенное.

/ДОРН провожает Кроса к выходу, возвращается, нажимает кнопку селектора. Луч прожектора высвечивает Вальтера и НЕКТО, сидящих у аппарата прослушивания./

ДОРН. Что-нибудь новое, Вальтер?

ВАЛЬТЕР /его голос усилен микрофоном/. Я пишу разговор русского с Форстом, очень любопытная беседа.

ДОРН. Иду...

Бюро Степанова. Сейчас здесь супруги Форсты и Степанов. ФОРСТ меняет в диапозитиве архивные документы.

ФРАУ ФОРСТ. После вашей статьи работать стало легче, как никогда... Поддержка графини, запрос в бундестаге!

Смотрите, какие нам открыли архивы! Уму непостижимо! За три дня мы просмотрели пятнадцать фондов!

ФОРСТ. Смотрите - вот невероятный документ! Я поражаюсь, как мне его дали! Штаб-квартира рейхсминистра Розенберга, строго секретно! Транспорты с картинами и иконами из русских музеев и храмов, подлежащие вечному хранению в рейхе. Опись номер семь, девять тысяч триста двенадцать картин и икон. Живопись русских художников, вывезенная из музеев Смоленска, Харькова и Вильнюса. Васнецов, Репин, Айвазовский, Левитан, Суриков... Смотрите, как все классифицировано... Картина номер тысяча девятьсот три. Куинджи... Полтора метра на восемьдесят один сантиметр. Масло. Ночной пейзаж, с тремя деревьями на переднем плане, вдали высвеченный светом погост... Что такое "погост"? Очень поэтическое слово... Что-то вроде ярмарки?

СТЕПАНОВ. Почти... Это кладбище... Слушайте, но по такому тщательному описанию можно сразу же найти похищенное...

ФРАУ ФОРСТ. Ни в одном из музеев Европы этих картин нет...

СТЕПАНОВ. А где они?

ФОРСТ. Изучению этого вопроса я и посвятил жизнь...

ФРАУ ФОРСТ. Фрицу удалось узнать, что офицер, который составлял эти списки - Адельберт Форетц, - сейчас живет в Эрлангене, под Нюрнбергом, он профессор теологии в отставке... Вот его подпись, видите?

СТЕПАНОВ. Сколько же ему лет?

ФОРСТ. 82 года, 3 месяца, 2 дня...

СТЕПАНОВ. Мумия!

ФРАУ ФОРСТ. Но зато прекрасно сохранившаяся мумия...

СТЕПАНОВ. А здесь чья подпись? Тоже Форетц?

ФОРСТ. Нет, это Фриц Штаубе. Офицер СС. После войны исчез, как в воду канул. Второй — Бунвехавен... Купил замок Голомберг во Франконии у бывшего посла Германии Форотца, дяди, кстати, вышеупомянутого Адельберта... А замок этот не простой... Гитлеровский рейхсминистр Розенберг свозил туда большую часть награбленных в России картин и икон. А потом все это исчезло. Бесследно. В архивах, которые мы сейчас открыли, эта проблематика словно обрезана. Создается впечатление, что Розенберг только вывозил краденое из России, а кто-то другой распоряжался судьбой этих ценностей... /Переключает фото в проекционном аппарате./ Вот он, Бунвехавен, правда очень плохой портрет, времен войны...

Замок Голомберг.

Входит СТЕПАНОВ, его сопровождает мужчина: это старый эсэсовец ПОЛЬ, служащий Бунвехавена; этих людей, как и Дорна, мы видели в прологе пьесы, в апреле 1945 года.

ПОЛЬ. Я с трудом разбираю ваш канадский акцент. Я имел дела с американцами; начиная с сорок пятого их бригада стоит у нас в Ансбахе, хорошие ребята... Так что я не до конца понял: какой у вас интерес к моему музею?

СТЕПАНОВ. Меня интересует не только музей, меня интересует весь ваш замок, господин Бунвехавен. В туристском проспекте написано, что вы купили земли и замок у бывшего посла Германии в Китае господина Форотца — вместе с музеем восточной живописи и зоопарком...

ПОЛЬ. Вы, случаем, не из пишущей братии?

СТЕПАНОВ. Не любите?

ПОЛЬ. Бесы. Как были, так и остались наймитами европейского капитала и большевистского НКВД.

СТЕПАНОВ. Bravo! Люблю литые формулировки... Нет, ваш замок интересует меня, поскольку он уникален. Сами же пишете в проспекте: "Здесь расположен единственный в своем роде музей..."

ПОЛЬ. Очень хотите посмотреть? Завтра. Сегодня поздно, зверей надо кормить...

СТЕПАНОВ. Я заплачу.

/К ним медленно и неслышно подходит человек;
это БУНВЕХАВЕН./

БУНВЕХАВЕН. Не надо платить. Я покажу вам музей. Что вас интересует?

СТЕПАНОВ. Все.

БУНВЕХАВЕН. Вы - благодатный посетитель. Поль, принесите каталог.

/ПОЛЬ уходит./

Как правило, слуги подозрительнее хозяев... Это помощник моего повара, он любит изображать из себя владельца замка... Я не мешаю ему - до тех, понятно, пор, пока это не переходит границы допустимого... Прошу вас, садитесь в это уникальное китайское кресло...

/ПОЛЬ возвращается, приносит каталог. СТЕПАНОВ
рассматривает его./

Я вижу, вы заинтересовались... Наши химики просили у меня право на исследование состава старых китайских красок, - я от-

казал им. Зачем открывать секрет того, что невозвратно умерло?

СТЕПАНОВ. Не вижу логики.

БУНВЕХАВЕН. Логика очевидна: более всего меня страшит девальвация прекрасного.

СТЕПАНОВ. Не столько краска создает прекрасное, сколько глаза мастера, его рука и сердце.

БУНВЕХАВЕН. Попробовал бы Дюрер поработать современными низкопробными красками, - в условиях безнравственного авангардного малярства... Или Гоген... Или Верещагин...

СТЕПАНОВ. Дюрер - с его рукой, глазом, разумом, - сам бы сделал краски, растер их, наладил...

БУНВЕХАВЕН. Видите, какова сила консерватизма немецкого мышления?! Я отделил краску и кисть от руки и глаза... И вы... Один-ноль. Кстати, эти китайские картины принадлежат крысиному перу Ли Яй-бо, восьмой век...

СТЕПАНОВ. Династия Сун, острова возле Кантона... У вас есть подлинник?

БУНВЕХАВЕН. У меня четыре подлинника...

СТЕПАНОВ. Я преклоняюсь перед этим художником. Он жил на маленьком островке Сяо, сбежав от императора, который слишком уж любил его. Любовь императора тяжела, не каждому по плечу, особенно таланту, который обычно свободолюбив и сугубо индивидуален... Кстати, художник Ли краску себе делал сам... По-моему, у японцев есть рецепт...

БУНВЕХАВЕН. Я бы с удовольствием заплатил вам, получимы его у японцев.

СТЕПАНОВ /смеясь/. Сколько положите?

БУНВЕХАВЕН. Я должен связаться с фирмой "Гербис", которая проявляла интерес к этим картинам...

СТЕПАНОВ /после долгой паузы/. Я бы не взял с вас денег за рецепт, расскажи вы, что стало с теми русскими иконами и картинами, которые были привезены в этот замок рейхсминистром Розенбергом - в сорок четвертом.

БУНВЕХАВЕН. Вы думаете, меня не интересовал этот вопрос? Все иконы и картины были отданы русским зимой сорок шестого.

СТЕПАНОВ. Вы тщательно исследовали судьбу русских картин?

БУНВЕХАВЕН. Нет... Зачем? Просто здесь об этом говорили... На серьезное исследование нужны деньги... А я купил замок восемь лет назад, всю жизнь копил деньги и до сих пор в долгу, какое уж тут исследование.

СТЕПАНОВ. Прежний хозяин замка умер?

БУНВЕХАВЕН. Да. Это был достойный человек, господин Фуретц, бывший посол Германии в Китае. Он великолепно провел здесь денацификацию, выступил вместе с американцами против гитлеровцев на процессе в Нюрнберге.

СТЕПАНОВ. Антифашист?

БУНВЕХАВЕН. О да!

СТЕПАНОВ. Родных у него не осталось?

БУНВЕХАВЕН. Кто-то есть, но я стараюсь с ними не встречаться, я понимаю, как им больно все это... Ведь с этим замком их столько связывает... Мы, немцы, сентиментальны... А отчего вас интересуют русские картины? Хотите начать бизнес в сфере искусства?

СТЕПАНОВ. У каждого свой интерес...

БУНВЕХАВЕН. Я могу показать вам несколько документов - это описания ряда русских икон и картин... Вы кто по профессии?

СТЕПАНОВ. Востоковед.

БУНВЕХАВЕН. Когда вы рассказали о художнике Ли больше, чем я мог вычитать во всех энциклопедиях, мне сразу стало ясно, что вы - ученый.

Бюро Вальтера.

ВАЛЬТЕР /докладывает в радиодинамик/. Из замка русский поехал не по автостраде, а по девятой дороге. Скорость 85 километров в час. На бензоколонке "Шел" залил полный бак "супера", уплатив 68 марок 44 пфеннига. Хозяин бензоколонки - герр Пропст - по нашим картотекам не проходил. Телефон - 253418. Степанов едет по направлению к Ремалену. В контакт ни с кем не входил.

Бюро Степанова.

ФОРСТЫ рассматривают через проектор документы Бунвехавена - описания картин и икон.

СТЕПАНОВ. Фриц, это грандиозно, а?! Теперь мы с вами вооружены суперсенсацией, разве нет?!

ФОРСТ. Сейчас. /Меняет кадр./ Погодите... Интересно...

СТЕПАНОВ. А через неделю в Базеле начинается аукцион русских икон! Следовательно, именно через неделю фирма "Сотби"

будет торговать иконой, которая значится в списках рейхсминистра Розенберга под номером 89I.

ФОРСТ. Вы хотите сказать, что фирма "Сотби" будет торговать иконой, сворованной гитлеровцами в русском музее и переправленной кем-то из замка Голомберг в Базель?

СТЕПАНОВ. Именно это я и хочу сказать. И мы сможем объявить об этом там же, на аукционе, и потребовать объяснения, кто торгует этой иконой, когда, как и от кого она попала в аукционерную фирму "Сотби"! Номер 89I говорит сам за себя! И начнется расследование!

ФОРСТ. Но если расследование будет не в нашу пользу, нам придется уплатить миллионный штраф за клевету или сесть в тюрьму.

СТЕПАНОВ. У нас на руках описание иконы 89I, документ Розенберга, косвенное свидетельство Бунвехавена, и, наконец, неопровержимое - номер!

ФРАУ ФОРСТ. Отчего Бунвехавен никогда никому не показывал эти документы и вдруг отдал их вам, русскому?

СТЕПАНОВ. Я говорил с ним по-английски.

ФОРСТ. Бунвехавен, как человек СС, должен был выяснить вашу национальность, ему плевать на язык, ему важно, какая кровь течет в ваших жилах.

СТЕПАНОВ /смеясь/. А в манию подозрительности мы не впадаем?!

ФОРСТ. Мне не очень-то хотелось посвящать вас в наши домашние дела, но имейте в виду: в течение всех тех лет, что я занимаюсь поиском, тайная полиция обходит моих соседей, опрашивает людей; видимо, слушает все мои телефонные разговоры,

перлюстрирует корреспонденцию.

СТЕПАНОВ. Вам кажется, что они смотрят за вами, или вы убеждены в этом?

ФОРСТ /переключает новый кадр в проекторе - там гитлеровские документы/. Если приходят соседи и говорят шепотом: "Фриц, ты что затеял?! Перестань, не надо, власть зазря не интересуется человеком, значит, ты дал какой-то повод, могут быть неприятности, подумай о детях, не будь идеалистом!"

СТЕПАНОВ. Можете познакомить меня с этими соседями?

ФРАУ ФОРСТ. Вы полагаете нас мерзавцами? Как же мы посмеем подвести людей? Да и потом эта слезка не мешает нам. Вот если бы у нас не было сада, которым мы живем, если бы Фриц работал за зарплату - учителем или журналистом, - тогда действительно, конец жизни, безработица и голод. А так - пусть себе. Яблоки, которые растут на наших деревьях, плевать хотели на тайную полицию...

ФОРСТ /по-прежнему разглядывая документ в проекторе/. Вам не кажется, что страница, где дано описание иконы номер 89I - пятнадцатый век, новгородская школа, девяносто сантиметров на семьдесят, - чуть отличается от других страниц?

СТЕПАНОВ. Чем?

ФОРСТ. Не знаю. Чем-то.

ФРАУ ФОРСТ. Двадцать лет работы в архивах что-то значат...

СТЕПАНОВ. Надо сделать экспертизу.

ФОРСТ. У вас есть лишняя тысяча марок?

СТЕПАНОВ. Так дорого?

ФРАУ ФОРСТ. А как же иначе? Заключение экспертизы

Фриц должен застраховать, а это очень дорого, затем надо оплатить адвоката, что еще дороже, и лишь тогда мы сможем оперировать экспертизой как официальным документом.

СТЕПАНОВ. Погодите, погодите, погодите... Вам кажется, что меня нарочно хотят вытащить на аукцион в Базель?!

ФОРСТ. Как и когда вы узнали об этом аукционе?

СТЕПАНОВ. Кто-то сказал...

ФОРСТ. Кто?

СТЕПАНОВ. Не помню.

ФОРСТ. Надо вспомнить.

СТЕПАНОВ. Не могу.

ФРАУ ФОРСТ. Если вы переключитесь на что-нибудь смешное - сразу вспомните.

ФОРСТ. Не до смешного. /Смотрит в проекционном аппарате следующий документ./ Смотрите-ка, в левом верхнем углу должен быть шифр канцелярии рейхсминистра Розенберга... Почему его нет? По этому шифру я бы мог начать поиски в других архивах... Шифр выведен очень профессионально... Кем? Почему? Зачем Бувенхавен отдал вам документ без шифра? Ну, так кто сказал вам об аукционе в Базеле?

СТЕПАНОВ /рассеяно/. Господин Данг... Хм... Bravo! Эх ловко вы заставили меня вспомнить, - переключили вполне профессионально!

ФОРСТ. Поиск и не тому научит... Итак, кто он, этот Данг?

СТЕПАНОВ. Мой сосед...

ФОРСТ. В связи с чем он пришел к вам?

СТЕПАНОВ. Почтальон случайно сунул мне его корреспон-

денцию...

ФРАУ ФОРСТ. Он пришел к вам после того, как вы вернулись из замка Голомберг?

СТЕПАНОВ. После...

ФОРСТ. Кто он?

СТЕПАНОВ. Я не знаю. Вы же мало общаетесь друг с другом, как в целлофане живете... Это только у нас о соседях знают все...

ФОРСТ. Сколько ему лет?

СТЕПАНОВ. За шестьдесят.

ФОРСТ. Он постоянно ходит в галстук, разве нет?

СТЕПАНОВ. Да, это верно... А почему вас это интересует?

ФОРСТ. Я верю чувствам, господин Степанов, это, конечно, женское качество и все такое прочее, но в Базель ехать не надо... А в галстук и белом воротничке ходят те старики, которые любят выправку и привыкли повиноваться... Вам не надо ехать...

СТЕПАНОВ. Доказательства?

ФОРСТ. Я же говорю: доказательств нет, одно чувство... В этом месяце предстоит восемнадцать аукционов: четыре в Западной Германии, три в Англии, два - в Штатах, три - во Франции, два - в Швейцарии...

ФРАУ ФОРСТ. По-моему, два в Италии и один в Бельгии...

ФОРСТ. Да, верно... Но отчего Степанову позволили узнать именно про тот, который связан впрямую с вашим визитом в замок Голомберг?

СТЕПАНОВ. Случайность исключается?

ФОРСТ. Мы, как нация, всегда стремились исключить даже вероятность случайности... Повторяю: мне кажется странным это совпадение — листки из архива Розенберга, которые я не мог получить все эти годы, отданы вам в руки; икона 891, что должна продаваться в Базеле, упоминается в этом же архиве... Что вы намерены делать в Базеле?

СТЕПАНОВ. Арестовать икону, как краденую! Скандал на весь мир. А пока надо обратиться через газету, чтобы читатели включились в поиск...

ФОРСТ. Господин Степанов, это наивно! Люди заняты заботами насущными, кого волнуют иконы?!

СТЕПАНОВ. Кто из нас христианский идеалист — вы или я?!

ФРАУ ФОРСТ. Фриц, не мешай ему, каждый человек имеет право на мечту...

/СТЕПАНОВ подходит к телефону./

СТЕПАНОВ. Алло, барышня, Москву, пожалуйста... Спасибо! Алло, редакция?! Сколько пришло откликов на первый материал о Форсте? Сорок два? Очень хорошо. Я добавлю. Давайте врезочку... Открыть кавычки: "Выполняя пожелания читателей, мы поручили нашему корреспонденту рассказать в очередном репортаже о продолжающемся поиске Фрица Форста". Далее — текст: "Летом сорок пятого года доктор Роде, ведущий специалист по янтарю, посетил в бывшем Кенигсберге советского ученого профессора Барзова и сказал ему: "Я готов открыть вам все, что мне известно о янтарной комнате. Я был ее зрителем после того, как она была украдена из России..." Однако доктор Роде ничего не успел открыть: наавтра рано утром он был обнаружен в своей квартире мертвым, он и его жена.

А именно у Роде работала Анна Форст, сестра Фрица,

расстрелянная в сорок четвертом нацистами за участие в анти-гитлеровском заговоре Гердлера-Штауфенберга... В пятьдесят седьмом году в Киле один из работников порта рассказывал во время застолья в пивной, что его дядя был в Кенигсберге ответственным за судьбу сокровищ германской эры Кока. Наавтра и этот человек и его дядя были убиты. Поиск преступников не дал ничего, Фриц Форст вышел - по тем архивам, которые попали ему в руки после нашей публикации, - на некоего профессора фон Андре. Тот многое знал о янтаре и русских музеях. Последние годы безобидный старичок учил химии студентов в Геттингене. Форст позвонил к Андре и попросил встречи. Тот отчего-то испугался. А потом - вовсе выяснилось, что ^{при} Гитлере фон Андре был штандартенфюрером СС и возглавлял партийную группу в Кенигсбергском университете... Был ли он убит, отравлен или покончил с собою - ответить трудно, но с Фрицем Форстом он так и не увиделся... Ему не позволили увидеться - быть может, так точнее сказать... Поиск Форста продолжается. Именно поэтому каждый, кто хочет помочь ему, может сделать это через нашу газету: любая гипотеза будет с благодарностью рассмотрена и проверена".

/В луче прожектора возникает ПАУЛЬ КОЛЕР./

КОЛЕР. Я, Пауль Колер, профессор из Берлина, прочитав репортаж о поиске, прошу напечатать мой отклик; полагаю, что Фриц Форст должен направить максимум усилий на исследование архивных материалов, связанных с намерением Гитлера открыть свой музей в Линце. Именно в связи с этим решением Гитлера была создана секретная "прерогатива фюрера". Из этого документа явствует, что Гитлер присвоил себе, - начиная с осени 33 года, - неограни-

ченное право распоряжаться всеми произведениями мирового искусства. Сейчас предпринимаются попытки обелить Гитлера, переложить всю вину на Розенберга, Геринга, Риббентропа, Гимmlера, начинают говорить, что "Фюрер, конечно, отнюдь не святой, но он был идеалистом, его нельзя обвинять в корысти..." Полагаю, что Фрицу Форсту следует - если, конечно, удастся, - просмотреть архивы под кодовой цифрой "II00": там могут храниться материалы, неизвестные еще исследователям. Где спрятан этот архив, мне неизвестно.

/КОЛЕР исчезает, появляется СЕЖО./

СЕЖО. Я с интересом слежу по русской прессе о поиске Форста... Мне saddается, что в апреле сорок пятого года, незадолго до разгрома нацистов Красной Армией, в наш лагерь при таинственных обстоятельствах прибыла колонна грузовиков швейцарского Красного Креста во главе с каким-то ответственным лицом из Берна... Говорили, что эти грузовики вывозили русские ценности в горы... Думаю, что необходимо выяснить, кто был этот человек и зачем он приезжал в наш лагерь. Это поможет продолжать работу... А то, что доктор Колер прав по поводу "прерогативы Гитлера", у меня нет сомнений... Однако я не знаю, в каком архиве прячут этот фонд.

/Исчезает. Появляется де ГРООП./

ДЕ ГРООП. Я, доктор де Грооп из Антверпена, прочитав отклики профессоров Колера и Сежо, могу и должен засвидетельствовать: фонд "II00" хранится в архиве Зайсбурга. Именно в этом архиве я искал и находил документы, связанные с фашистским прошлым нынешнего генерального секретаря НАТО Лунса...

Биро Вальтера.

ДОРН. Вальтер, еще раз проверьте: Бунвехавен подготовил заявление прессе о том, как его шантажировал Степанов?

ВАЛЬТЕР. Подготовил.

ДОРН. "Интерпол" в Базеле предупрежден?

ВАЛЬТЕР. Предупрежден.

ДОРН. С аукционом все оговорено?

ВАЛЬТЕР. Оговорено.

ДОРН. Итак, длительность ареста Степанова будет зависеть лишь от амбиций фирмы "Сотби"... Я еду на аукцион!.. Скандал будет грандиозным, там надо присутствовать лично! А вы - максимум внимания Форстам! И хотя они без Степанова ничего не стоят, тем не менее глаз с них не спускать!

Архив.

ФРИЦ ФОРСТ и ФРАУ ФОРСТ. Разглядывают через проектор документы фонда "II00".

ФОРСТ. Постарайся совместить материал Бунвехавена и этот, подлинный, из фонда "II00".

ФРАУ ФОРСТ. Трудно.

ФОРСТ. Поэтому я и говорю "постарайся". Спасибо. Можно оставить так, мне не важна правая половина, меня интересует левый угол. Видишь разницу?

ФРАУ ФОРСТ. Пока нет.

ФОРСТ. В документе Бунвехавена об иконе "89I" не было

номера фонда. А здесь он стоит: "II00". Видишь?.. А каковы размеры иконы? В фальшивке - девяносто сантиметров, а в оригинале - метра на два! Ну-ка, подними чуть-чуть подлинник... Спасибо... "Указанные ящики перевезти в подвалы кирхи в городе Заксенштадте и не вскрывать до особого распоряжения фюрера. Борман". Борман... Где этот Заксенштадт?!

ФРАУ ФОРСТ. Не знаю. Посмотрим карту в отеле.

ФОРСТ. Не в отеле, а сейчас же. Или это самый большой блеф, или мы на пороге открытия! И узнай телефон аукциона в Базеле: Степанова взяли в капкан, мы должны его предупредить... Он намерен арестовать краденое, а арестуют его за клевету! Этот фонд запиши на меня. Я жду тебя наверху, Торопись, может быть беда! /Уходит./

ФРАУ ФОРСТ /архивариусу/. Будьте добры, запишите этот архив на Фрица Форста. /Уходит./

/Появляется СОТРУДНИК./

СОТРУДНИК. Добрый день. Я из городской библиотеки Бремена, мне надо просмотреть материалы из фонда "II00" - он ведь у вас хранится, не так ли?

АРХИВАРИУС. Вы - уже второй человек за сегодняшний день, кто интересуется этим завалящим, пыльным, безвестным фондом... Он на руках, я не могу вам дать его...

СОТРУДНИК. Господин Форст работает с ним, не так ли?

АРХИВАРИУС. Я не обязана отвечать на этот вопрос.

СОТРУДНИК. Простите, что оторвал вас от дел.

/Подходит к телефону на стене, опускает несколько монет и звонит./ Вальтер, я опоздал! Форста здесь уже нет. Он что-то готовит. Его надо найти хоть под землей...

ВАЛЬТЕР. Вас понял. Объект "8", передислоцируйтесь в квадрат I96, объект "10"-в I5а, вас прошу выйти на связь в пятнадцать ноль-ноль!

/Мгновенная темнота.

Аукцион в Базеле. На трибуне АУКЦИОНЕР. В зале полно гостей и журналистов, которые слепят гостей вспышками блицев. Гости самые разные: негры, малайцы, латиноамериканцы, китаец в маоистской форме; чинные дамы и гангстерского вида юноши, затянутые в кожаную форму, здесь и заросшие хиппи и бритые наголо, словно каторжане.

Среди этих странных людей - СТЕПАНОВ, в дальнем углу - ДОРН./

АУКЦИОНЕР /на трибуне/. Дамы и господа мы живем в трудное время, когда угроза девальвации грозит нам каждый день. Поэтому-то так возросли цены на картины, проверенные временем, а что более проверено временем, чем иконы, особенно русские, - цена на них постоянно растет в последние четверть века! Думаю, вы согласитесь со мною, что нет более надежного капитала, чем вложение капитала в русские иконы: достаточно сказать, что коллекция мистера Хана была распродана в Нью-Йорке более чем за три миллиона, а это, дамы и господа, деньги не очень-то малые. Я надеюсь, вы простите мой варварский немецкий, я обещаю разговориться, аукцион и есть аукцион, нечто вроде тотализатора, будоражит и бодрит!

Итак, мы начинаем с иконы семнадцатого века, московская школа, прекрасно выполнено лицо, особенно глаза, думаю, что

мы поведем торг с пяти тысяч марок, нет возражений? Или четыре пятьсот? Четыре? Господин предлагает четыре? Раз четыре тысячи, два... Дама предлагает четыре сто? Четыре пятьсот? Ага, слева пять тысяч. Пять тысяч пятьсот, мой господин! Шесть тысяч! Шесть тысяч пятьсот! Что? Шесть тысяч сто? Шесть сто — раз, шесть сто — два, ага, шесть тысяч двести, шесть тысяч двести раз, что? Шесть тысяч пятьсот? Кто больше? Раз, два, три, продано. Поздравляю, икона хороша, право.

Предлагается к продаже икона шестнадцатого века, школы Феофана Грека, начинаем с объявленной цены в двадцать тысяч марок. Кто предлагает двадцать тысяч? Пожалуйста, моя дама, двадцать тысяч раз, двадцать тысяч два, двадцать одна тысяча, нет, не согласен, мой господин? Двадцать две? Нет? Тридцать? Пожалуйста, кто больше, тридцать тысяч раз, тридцать тысяч два, продано.

Предлагается к продаже икона XV века, размер 90 на 70, цена 30 тысяч марок... Пожалуйста, моя дама, вы что-то хотите спросить? Вас интересует номер с обратной стороны иконы, которую мы предлагаем к продаже? 891? Право, не знаю! Видимо, это означает принадлежность чьей-то коллекции... Итак, икона пятнадцатого века, размер девяносто сантиметров на семьдесят. Тридцать тысяч, господа, тридцать тысяч! И она стоит этих денег. Тридцать тысяч сто марок? А, тридцать одна тысяча? Пожалуйста, моя дама. Тридцать две? Условимся, что речь во время этого экстраординарного торга идет не о сотнях, а о тысячах, итак, тридцать две тысячи. Кто больше? Тридцать две тысячи раз, тридцать две тысячи два... Пожалуйста! Тридцать три тысячи. Кто больше? Тридцать три тысячи раз, тридцать три тысячи два...

/Телефонный звонок./

Момент, дамы и господа! Да? Слушаю. Вы хотите включиться в торги иконы 891?! Что ж, я не возражаю!

/Мгновенная темнота.

ФРИЦ ФОРСТ и его жена в кирхе Заксенштадта.

С ними разговаривает СВЯЩЕННИК. Слышен детский смех, кто-то играет на органе рок-н-рол под Баха./

СВЯЩЕННИК. Почему вы думаете, что я должен выполнить вашу просьбу?

ФРАУ ФОРСТ. Потому что в подвале вашей кирхи спрятано краденое, а мы воспитаны в вере божьей, и справедливость почитаем главным, что должно объединять людей.

СВЯЩЕННИК. Слишком часто в наши дни эти слова повторяют в угоду суетным, сиюминутным целям, забывая о том извечном и великом, что в них заложено.

ФОРСТ. А в этом я вижу определенную вину церкви.

СВЯЩЕННИК. То есть?

ФОРСТ. Патер, мы очень торопимся...

СВЯЩЕННИК. Но я должен до конца понять цель вашего визита...

ФОРСТ. Патер... Время... Поймите, научно-технический прогресс родил новое качество времени... Я утверждаю - качество. Люди не готовы к нему, что делать, в этом нет их вины.

СВЯЩЕННИК. А чья вина?

ФРАУ ФОРСТ. Церкви!

СВЯЩЕННИК. Уже в том, что церковь открыто сказала о своей неправоте в деле Галилея, -- очевидно желание быть угод-

ным новому времени.

ФОРСТ. Церковь сформулировала это иначе: "Галилей реабилитирован". О вашей вине речи не было...

СВЯЩЕННИК. Унижения хотите? Стоит ли? Как мы потом будем говорить с паствой?

ФРАУ ФОРСТ. Патер, послушайте же, у нас нет времени, от вашего ответа зависит судьба человека, - вы обязаны выполнить нашу просьбу...

СВЯЩЕННИК. Обязан?

ФРАУ ФОРСТ. Обязаны, видит бог!

СВЯЩЕННИК. Я должен снестись с Мюнхеном...

ФОРСТ. Если вы снесетесь с Мюнхеном, вам порекомендуют отложить решение этого вопроса до приезда авторитетной комиссии, ящики из подвала заберут, и они затем исчезнут, их затеряют.

ФРАУ ФОРСТ. Мой муж пришел к вам с документами, из которых явствует, что в подвале вашего храма лежат ящики с архивами и ценностями, украденными в России. Что угодно государю: вернуть награбленное законному владельцу или же продолжать прятать похищенное?

СВЯЩЕННИК. Но ведь нельзя же вскрывать ящики без указания!

ФОРСТ. О, мой несчастный и прекрасный народ! Даже вы, патер, хотите жить по предписанию сверху! Ну отчего так, отчего?! Я понимаю - был бы спорный вопрос, но здесь все явно: я пришел к вам с документами о тех ящиках, которые лежат здесь, начиная с апреля 1945 года. Вы ведь не отрицаете этого?

Нет? Вы, поскольку предписаний не было, — не вскрывали ящики все эти годы, вы же не можете без предписаний! Вам противна мысль укрывать краденое в храме, это ясно, как же иначе, но вы не можете преступить в себе старого, прежнего немца времен фюрера и поэтому перечеркиваете господа!

СВЯЩЕННИК. Идемте...

АУКЦИОН

АУКЦИОНЕР. Неизвестный господин называет по телефону сумму в 75 тысяч марок. Дамы и господа, вы слышали, нет? /Передает трубку Девушке./ 75 тысяч марок, в такую сумму оценивает икону номер восемьсот девяносто один наш телефонный друг, итак, 75 тысяч раз, 75 тысяч два...

ГОЛОС МУЖЧИНЫ. 76 тысяч.

/К Степанову подходит ДЕВУШКА-ОФИЦИАНТКА: "Простите, вы господин Степанов? Вас просят к международному телефону".

СТЕПАНОВ поднимается, выходит./

АУКЦИОНЕР. 76 тысяч. 77 тысяч? 78 тысяч, так оценивает икону наш телефонный друг. Итак, 78 тысяч раз, 78 тысяч два...

ГОЛОС МУЖЧИНЫ. Восемьдесят.

АУКЦИОНЕР. Восемьдесят.

/ДЕВУШКА показывает ему что-то на пальцах./

Сто тысяч — такова цена нашего неизвестного друга.

ГОЛОС МУЖЧИНЫ. Сто пять тысяч!

/Возвращается СТЕПАНОВ. Закуривает.

Нагнетение истерики в зале — т и х о й исте-

рики затаенного молчания. Только вспыхивают бли-
цы фоторепортеров и — тишина, торгуют икону.
ДОРН все это время не отрываясь смотрит на Степа-
нова, пытаюсь прочесть его. Медленно
поднимается и еще медленнее идет вдоль по стене,
мимо журналистов, не отрывая взгляда от Степано-
ва./

АУКЦИОНЕР. Наш телефонный друг объявил 120 тысяч! Сто
двадцать тысяч — раз, два, сто двадцать тысяч — три...
Продано! Хочу поздравить неведомого телефонного друга с вели-
колепным приобретением уникальной иконы XV века из России!

СТЕПАНОВ. Это не пятнадцатый век и не Россия! Это под-
делка, сработанная совсем недавно, — здесь, на Западе!

ГОЛОСА. Что сказал этот господин?!

— Почему подделка?!

АУКЦИОНЕР. Вы можете подтвердить это под присягой?

СТЕПАНОВ. Я готов заявить под присягой: подлинная
икона под номером 89I была выкрадена в Киеве нацистами по
приказу Розенберга для музея Гитлера, и сейчас, двадцать ми-
нут назад, обнаружена в подвале церкви города Заксенштадта
супругами Форст!

ЦЕРКОВЬ

ЧИНОВНИК. Я, как представитель закона, хочу от всей
души поздравить вас, господин Форст, с этой великолепной на-
ходкой! Согласно параграфа 57 и разъяснения 34I и седьмого
"а", вы становитесь владельцем всех этих картин, икон и ар-

хивов и, таким образом, вправе распорядиться по своему усмотрению судьбой уникальной коллекции...

ЖУРНАЛИСТ. Что вы намерены сделать с этим сокровищем, господин Форст? Обратите в деньги на аукционе или же откроете музей?

ФОРСТ. Я передам иконы законному владельцу.

ЖУРНАЛИСТ. Вы намерены отдать Москве эти миллионы?!

ФРАУ ФОРСТ. Это не миллионы, а иконы.

ЧИНОВНИК. Закон не принуждает вас к этому, господин Форст. Поскольку срок давности вывоза этих ящиков из страны принадлежности истек, вы вправе распоряжаться ими по своему усмотрению.

ФОРСТ. Я знаю. Поэтому я так торопился завладеть этим сокровищем. И я хочу, чтобы пресса опубликовала официальное сообщение: я передаю все иконы тем русским музеям и церквям, откуда они были похищены. Мое решение безусловно, господа. Благодарю вас за то, что вы приехали сюда.

ЖУРНАЛИСТ. Чем вы мотивируете этот свой несколько экстравагантный поступок?

СВЯЩЕННИК. Разве желание господина Форста жить по богу экстравагантно?

КАБИНЕТ ДОРНА.

Входит бывший эсэсовец ФРИЦ ШТАУБЕ/ныне он - МАЙЕР/.

ДОРН. Могли бы подождать до вечера - стоит ли обнаруживать наши связи?

ШТАУБЕ. Наши с вами? А с Макговерном?

ДОРН /переходя на шепот/. Вы с ума сошли...

ШТАУБЕ. Если бы... Знаете, где находятся остальные иконы и картины, упомянутые в списках, которые Форст нашел в подвале кирхи?

ДОРН. В ваших хранилищах?

ШТАУБЕ. Тогда бы я подождал до вечера, а не обнаруживал наши с вами связи... Иконы находятся в коллекции Макговерна, ясно? А что будет, если Форст с помощью русского раскрутит дело Макговерна и скандал окажется неуправляемым?

ДОРН. Будет плохо.

ШТАУБЕ. Bravo! Вы - провидец! Но и это не все! Судя по тем материалам, которые открыл Форст, он вполне может выйти по ним не только на швейцарский Красный Крест, но и на покойника Пьера Сузи. А это удар по нашим с вами ребрам! Потянув за одну нитку, они выйдут на всю нашу парижскую операцию во время автогонок. А это нокаут, от которого мы вряд ли оправимся... И наконец, последнее обстоятельство: вывоз культурных ценностей из России и сегодня стоит перед нами сугубо значимо. Вы представляете себе, какого уровня политический скандал разыграется, если здесь, на Западе, выйдут на мой сегодняшний бизнес с русскими иконами и картинами?.. Поэтому ответьте мне: какого черта вы хлопали ушами все эти дни?!

ДОРН. Мы живем не под фюрером! Сейчас не сорок второй год! Я не могу арестовать Степанова и расстрелять Форстов - вы, к сожалению, лишены права отдавать приказы!

ШТАУБЕ. Повторяю свой вопрос: почему вы дали этому делу

разрастись?

ДОРН. Я давал делу вызреть! Я не мог предположить, что пойдет цепная реакция!

ШТАУБЕ. Что значит - "вызреть"? В чем ваш просчет? С чего все началось?

ДОРН. Я был просто-напросто не вправе пройти мимо того, как в сферу моего интереса попал русский, который смог втравить в дело Форстов не только Дедхоф и Реггера, но и...

ШТАУБЕ. Я в курсе! Дальше...

ДОРН. Бунвехавен был введен мною в комбинацию в нужный момент, он всучил русскому липу, красиво всучил, породив некоторое отчуждение между Степановым и Форстами по поводу иконы 891... Сосед Степанова - наш человек, - красиво намекнул об аукционе... Я был убежден, что Степанова уничтожат во время торгов: был придуман телефонный звонок, мои люди нагнетали ажиотаж, но кто мог представить, что после очередной статьи Степанова о поиске Форста возникнет этот профессор Колер и скажет о "прерогативе фюрера", потом француз Сежо назовет архив "II00", а голландец укажет на Зайсбург! Кто мог допустить, что Форсты найдут Заксенштадт и смогут открыть ящики в кирхе?! Да еще предупредят Степанова о ловушке по телефону, разыскав его на аукционе в Базеле?! Кто мог предположить, что Степанов сломает свой план, о котором мы знали: "Я обвиняю фирму "Сотби" в продаже краденого", и вместо этого обвинит их в продаже нашей фальшивки!

ШТАУБЕ. Предложения?

ДОРН. Ждать.

ШТАУБЕ. Это невозможно по двум обстоятельствам: первое -

в случае, если эта старая сволочь действительно выйдет по архивам кирхи на узел с покойным швейцарцем Сузи, вас арестуют...

ДОРН. Вас тоже.

ШТАУБЕ. Конечно. И Бунвехавена. Вам от этого будет легче? Мне - нет... Бунвехавен кричит и стонет по ночам, у него ярко выраженная мания преследования... Второе обстоятельство... Макговерн намерен выдвинуть свою кандидатуру на пост губернатора... Если вы не сможете...

ДОРН. "Мы", почему "я"?

ШТАУБЕ. Нет, не "мы", а "вы", ибо вы здесь сидите, а не я... "Наше" - значит "ничье", "мы" - это стадо, все решает "я"... Продолжаю... Если Макговерна обольют помоями накануне выборов, это заденет интересы ряда мюнхенских друзей, а этого они вам не простят - более того, они не простят этого детям ваших детей...

ДОРН. Какое-то безумие, право...

ШТАУБЕ. Именно так - безумие...

ДОРН. Безумие... Безумие? Погодите, а почему нет?.. Безумие... Спасибо за идею... Безумие - сумасшествие - клиника - опека... Хм! Я доложу вам о результатах завтра в восемь.

/ДОРН стремительно прощается с Штаубе-Майером, спускается на просцениум в "зал наблюдения и прослушивания", смотрит за работой, включает селектор: "Зайдите ко мне с документами на всех родственников и друзей Форстов..." Потом возвращается к себе, там его уже ждет СОТРУДНИК, стоя возле черной стенки, на которой так удобно

иллюстрировать свои замыслы, прикрепляя фотографии к стенке.

ДОРН внимательно разглядывает фотографии./

СОТРУДНИК. Фрау Форст. Подступов нет. Фанатично любит мужа. Первый сын, Ганс, предан отцу, подступов нет. Младший сын, Франц, предан отцу, подступов нет.

ДОРН. С коммунистами по-прежнему никаких контактов?

СОТРУДНИК. Нет... Господин Опитц из Кобленца, брат Фрау Форст, 62 года, участник войны, унтершарфюрер дивизии "Дас Рейх", кавалер "Железного креста", пенсионер, в средствах весьма ограничен, определенно здравых взглядов, в беседах с агентурой высказывался в том смысле, что Форст не думает о семье, другой бы хоть сыновьям машину купил, имея столько земли, сколько он, а этот идеалист тратит все деньги на копирование каких-то паршивых архивных документов.

ДОРН. "Идеалист"? Мне лично "псих" нравится больше.

СОТРУДНИК /продолжает доклад/. Это племянница фрау Форст, дочь ее покойной сестры Габи Лутц.

ДОРН. А что она говорит о любимом дяде?

СОТРУДНИК. Она молчит.

ДОРН. Надо разговаривать.

СОТРУДНИК. Не выйдет.

ДОРН. Я не знаю такого слова.

СОТРУДНИК. Фрейлейн Эва Лутц глухонемая, врожденный порок.

ДОРН. Значит так, завтра на тринадцать часов закажите стол на две персоны в ресторане, неподалеку от дома, где живет господин Опитц. Скажите, что беседовать он будет с пред-

ставителем страховой компании, которая готова защищать интересы семьи его сестры...

СОТРУДНИК. Но он может быть занят завтра в тринадцать часов...

ДОРН. Важно, что я выбрал для него это время...

/Мгновенная темнота.

БЮРО ПРОКУРОРА КРОСА,

ОПИТЦ и ПРОКУРОР КРОС./

ОПИТЦ. Господин прокурор Крос, я пришел к вам по делу чрезвычайной важности. Моя единственная сестра - я имею в виду ффрау Форст - находится под угрозой постоянной гибели, ибо господин Форст тяжело и, по-моему, безнадежно болен психически. Его навязчивая идея состоит в том, чтобы передать русским культурные ценности безвозмездно, но зато, когда будут найдены главные хранения, он потребует с Кремля сто миллионов марок. Родные, понятно, скрывают от всех его болезнь, но она подтверждается бюджетом семьи - Форсты на грани финансового краха, об этом говорят их доходы и расходы: нормальный человек на вырученные с урожая сада даньги мог бы в несколько раз увеличить хозяйство, в то время как дела моего несчастного зятя крайне плохи - он не уплатил положенный взнос в страховое общество, и сегодня там приняли решение лишить его страховки. А вы понимаете, что если визит врача к застрахованному больному стоит ерунду, то посещение человека, лишённого страховки, да еще психически больного, исчисляется сотнями марок. Где их взять? Поэтому, господин Крос, я пришел к вам с просьбой об установлении опеки над несчастным Фрицем Форстом.

КРОС. Я не могу фиксировать просьбы, господин...

ОПИТЦ. Опитц, Герхард Опитц... Простите, не понял вас...

КРОС. Я могу принять к рассмотрению лишь заявление, господин Опитц.

ОПИТЦ. Вот оно. /Кладет на стол несколько страниц бумаги./

КРОС. Я рассмотрю ваше заявление.

ОПИТЦ. Но пока оно будет рассматриваться, Форст отправит в Россию то, что принадлежит всей нашей семье!

КРОС. Ваша сестра, супруга господина Форста, согласна поддержать просьбу об опеке?

ОПИТЦ. Тихий помешанный страшнее буйного... Она затравлена им... И по-моему, тоже начинает сдавать психически...

КРОС. Следовательно, пока лишь один вы изо всей семьи печетесь о здоровье господина Форста и его финансовых делах. Вот если бы к вам присоединились дети несчастного, это могло бы гарантировать успех вашего предприятия...

ОПИТЦ. Как же детям - и против отца? Даже больного? Надо пощадить их сердца... Речь ведь психа идет только о том, чтобы оградить семью от безумства несчастного с передачей русским ценностей из кирхи на два миллиона марок - в больной, горячечной надежде получить с них потом в сто раз больше...

КРОС. В пятьдесят.

ОПИТЦ. Простите?

КРОС. Вы сказали, что Форст намерен потребовать с Москвы сто миллионов. Два, умноженные на сто, - двести миллионов, двести, а не сто. Точность - вежливость королей.

ОПИТЦ. Простите... Я так расстроен...

КРОС. Словом, как я понимаю, вы хотите, чтобы я арестовал найденные Форстом русские иконы, архивы и картины? Вплоть до того, как врачи установят меру его вменяемости?

ОПИТЦ. Именно этого хочет его семья...

КРОС. Этого хотите вы, господин Опитц. У меня нет заявления от других членов семьи.

ОПИТЦ. Мои адвокаты сказали, что и это мое заявление имеет юридическую силу, вполне достаточную для того, чтобы поднять вопрос об опекунстве над Форстом и, так сказать, заморозить его действия - на время разбирательства.

КРОС. В какой мере юридическая сила вашего заявления достаточна, решать не вашим адвокатам, а мне, прокурору. Я уведомлю вас о нашем решении.

ОПИТЦ. Простите, господин прокурор Крос, но я что-то не пойму: несчастный Фриц может по-прежнему заниматься своим делом, несмотря на мое заявление?

КРОС /после тяжелой паузы/. Нет.

ДОМ ФОРСТОВ

ФОРСТ. Чем дальше, тем больше я боюсь не успеть закончить наше дело...

ФРАУ ФОРСТ. Все время вспоминаю, как нас заставляли учить философию: "Человечество разделено на две расы..."

ФОРСТ. "Раса благородных - индивидуалисты, чувствующие призвание властвовать, и раса рабов - стадо недочеловеков, покорных предрассудкам и пропитанных завистью к тем, кто над

ними. При паршивых демократиях чернь торжествует, людьми правят зайцы. Великий человек, титан, не знает, что такое добро и зло, закон не для него, его право есть право высшего..."

ФРАУ ФОРСТ. "Не щади ближнего... Остерегайся доброго..."

ФОРСТ. Конечно, с позиции этой морали мы с тобой законченные психи... Страх, страх был нашим вторым "я"... Знаешь, о чем я не жалею? Что отдал 20 лет русскому искусству: "по каплям выдавливать из себя раба..." Обидно, что Сурикова, Верещагина, Репина до сих пор не знают толком ни в одном нашем музее...

ФРАУ ФОРСТ. Как будто русские знают Дюрера?

ФОРСТ. Но они же держат во всех кабинетах портреты нашего Маркса...

ФРАУ ФОРСТ. Знаешь, я сейчас подумала, что фашизм - это тишина: не думай, не говори, и тебе обеспечена жизнь, - как корове... Сена подбросят, только жуй тихо.

ФОРСТ. Когда нацисты расстреляли Анну и отца, когда я чудом избежал виселицы, оттого что лежал раненый в госпитале, - тогда только я понял ужас этой гитлеровской орудий тишины...

/Звонок. Входит СТЕПАНОВ./

СТЕПАНОВ. Простите, что без предупреждения! А вы почему не звоните?..

ФОРСТ. Прокаженные должны жить в лепрозории.

СТЕПАНОВ. Простите, не понимаю...

ФРАУ ФОРСТ. Нам теперь неловко навязываться кому бы то ни было... Психи. Ждем решения судьбы - кто нам сможет помочь? Никто... Надо ждать...

СТЕПАНОВ. Значит, сложили крылышки?

ФРАУ ФОРСТ. Что значит "сложить крылышки"?

СТЕПАНОВ. Это значит поднять руки вверх.

ФОРСТ. Эва, включи, пожалуйста, радио... Погромче!

Милый Степанов, если вы сумеете узнать что-нибудь о человеке по имени Сузи... Он живет в Швейцарии... Больше я не знаю о нем ничего... Это может спасти меня и помочь нашему делу. Вы вправе отказать моей просьбе... Я пойму вас... Дело чрезвычайно рискованное, но...

СТЕПАНОВ. Нет вопроса - я еду! А как же иначе?!

ФРАУ ФОРСТ. Возможно иначе, очень возможно...

СТЕПАНОВ. Нельзя поддаваться - не имеете права. Это даже нечестно, извините за резкость.

ФРАУ ФОРСТ. А в чем выразилась ваша резкость?

ФОРСТ. Славяне обычно боятся обидеть собеседника, дорогая, они ранимы больше нас, поэтому чаще нас извиняются, очень ранимы...

СТЕПАНОВ /усмехаясь/. Ну, это смотря кто... Фрау Форст, вы еще не разговаривали с вашим братом, с Опитцем?

ФОРСТ. Мы не унижаем себя до торгов с наймитами... Эва, включи, пожалуйста, музыку еще громче! Господин Степанов, отдайте себе отчет; все очень серьезно! Я кожей ощущаю опасность! Слушайте меня внимательно! /Звучит музыка./

БЮРО ВАЛЬТЕРА

ВАЛЬТЕР. Господин Дорн! Извините, что беспокою вас

дома, Степанов был у Форста. Я не смог снять очевидно важную информацию. Они включили музыку... Слушаюсь!

ШВЕЙЦАРИЯ

СТЕПАНОВ и СУЗИ.

СУЗИ. Как вы нашли меня?

СТЕПАНОВ. Через ведомство прессы вашего МИДа.

СУЗИ. Они дали вам мой телефон? Странно. Что вас интересует?

СТЕПАНОВ. Господин Сузи, ваш отец был министром Швейцарии?

СУЗИ. Полагаете, что я должен отвечать на ваши вопросы?

СТЕПАНОВ. Полагаю - да.

СУЗИ. А я полагаю, что нет... Я не скрываю своего отношения к вашей стране.

СТЕПАНОВ. В данном случае речь идет не о моей стране, а о судьбе вашего брата, так что отвечать - в ваших интересах.

СУЗИ. Ах, вот как?

СТЕПАНОВ. Именно так. Продолжим: ваш отец был министром?

СУЗИ. Был.

СТЕПАНОВ. Он ездил в рейх в апреле 1945 года для переговоров с Гиммлером, чтобы попытаться спасти узников из лагерей смерти?

СУЗИ. Ездил. Гиммлер потребовал пятьсот золотых фран-

ков за каждого заключенного.

СТЕПАНОВ. После соглашения с Гиммлером ваш отец отправил в рейх колонну грузовиков Красного Креста с продуктами и медикаментами?

СУЗИ. Да. Колонну вел мой брат, Пьер.

СТЕПАНОВ. Ему тогда было двадцать три года?

СУЗИ. Двадцать два.

СТЕПАНОВ. Я могу с ним увидеться?

СУЗИ. Он разбился.

СТЕПАНОВ. Во время гонок на парижском аэродроме?

СУЗИ. Да.

СТЕПАНОВ. Десять лет назад? Накануне гонок именно он дал интервью французской "Суар"? Или у вас есть еще один брат?

СУЗИ. Братьев у меня больше нет.

СТЕПАНОВ /достаёт из портфеля газету, протягивает ее Сузи/. Это Пьер Сузи, ваш брат?

СУЗИ. Да.

СТЕПАНОВ. Вам не кажется странным этот вопрос журналиста... Я подчеркнул, смотрите... О том, кого ваш брат особенно запомнил во время поездки в рейх?

СУЗИ. А почему этот вопрос должен казаться странным?

СТЕПАНОВ. Потому что он был задан спустя двадцать пять лет после событий в рейхе. Задан неведомым спортивным журналистом, которому 19 лет и который раньше никогда не интересовался этой проблемой. А если заинтересоваться серьезно и глубоко, то, обнаружится, что на машинах швейцарского Красного Креста, которые ваш брат привез в рейх, в течение нескольких часов, пока узников концлагеря приводили в порядок, чтобы про-

дать за деньги, люди СС, гестаповцы, вывезли в горы сокровища, награбленные в России: иконы, картины, архивы, янтарную комнату...

СУЗИ. Вздор. Зачем им потребовалась такая маскировка? Они могли нацепить на свои машины номера Швейцарии и нарисовать красные кресты.

СТЕПАНОВ. Могли. Они все могли. Только не могли залить машины бензином. Бензина в рейхе не было... Им нужны были машины швейцарского Красного Креста.

СУЗИ. Считаете, что они для этого использовали моего отца и брата?

СТЕПАНОВ. Я ни в чем их не виню, они пытались помочь несчастным. А ваш брат сказал в интервью, что он помнит трех людей из лагеря, и что одного из них, который попросил у него грузовики "в долг", на пару часов, якобы для того, чтобы привезти больных, он только что встретил в Париже — накануне гонок... Смотрите, что говорил ваш брат: "Я крикнул ему "Привет, Фриц!, он, однако, не ответил мне, вздрогнул, повернулся и ушел, чуть не убежал. Я удивился, спросил тех, кто был рядом, что с ним, это же Фриц Штаубе. А мне ответили, что это не Фриц Штаубе, а Майер, он занимается бизнесом, связанным с произведениями культуры... Но это был Штаубе, и я догадываюсь, отчего он не захотел говорить со мной". Штаубе не захотел говорить с вашим братом оттого, видимо, что живет под чужой фамилией и убежден, что уже нет никого в живых, кто знает, что именно он вывозил русские ценности из концлагерей в эсэсовские тайники. А его опознал ваш брат! И сказал про это в интервью подосланному Фрицем Штаубе мальчику. И через день ваш брат

погиб во время гонок... Погиб, потому что помнил...

СУЗИ. Считаете, что катастрофа была организована?

СТЕПАНОВ. Да.

СУЗИ. Доказательства?

СТЕПАНОВ. Это ваше дело. Меня интересует: к вам не обращались те, кто знал Пьера по его поездке в рейх?

СУЗИ. Обращались...

СТЕПАНОВ. Кто?

СУЗИ. Мне кажется, Майер...

СТЕПАНОВ. Его карточка у вас, конечно, не сохранилась?

СУЗИ. Его карточка должна была сохраниться, я ведь был генералом разведки, официальное лицо, все мои контакты с иностранцами фиксировались...

/Мгновенная темнота.

Проекция фото Штаубе-Майера.

В луче прожектора - ЖОРЖ НАХ./

НАХ. Я, бывший узник Дахау Жорж Нах, знаю человека, фото которого мне предъявил к опознанию русский журналист Степанов. Но это не Майер, а обершарфюрер СС Фриц Штаубе. Под присягой, однако, я это не подтверждаю...

/Мгновенная темнота.

Бюро прокурора Кроса./

СТЕПАНОВ. На основании доноса старого нациста Опитца вы вправе унижать Форста принудительной экспертизой?

КРОС. Экспертиза не есть унижение, господин Степанов, а одна из форм установления истины.

СТЕПАНОВ. Но везти в клинику несчастного человека, подвергать его принудительному обследованию...

КРОС. А вы возражайте, господин Степанов, возражайте... Начните кампанию протеста... У нас это не запрещается.

СТЕПАНОВ. Вы же понимаете, что это обернется против Форста: "Защищают красные, значит, он их человек"...

КРОС. А профессиональная корпоративность? Я слышал, журналисты живут в Бонне достаточно дружно: коммунисты, капиталисты, левые, правые... Так что я ничем не могу помочь вам, господин Степанов, кроме того, что согласился ответить на ваши вопросы.

СТЕПАНОВ. Спасибо. Но это не все, господин Крос. У вас есть данные, что господин Опитц - старый нацист? Или нет? Если нет, то интересует ли вас эта информация?

КРОС. Меня интересует истина...

СТЕПАНОВ. Я хочу передать вам документы - свидетельские показания о работнике фирмы "Антиквариат Европы" Майере, в прошлом обершарфюрере СС Штаубе.

КРОС /смотрит показания/. Чего вы добиваетесь?

СТЕПАНОВ. Возбуждения уголовного дела.

КРОС. Во-первых, вы, как иностранец, не вправе поднимать этот вопрос. Во-вторых, даже если бы ко мне пришел немец, я бы отказался принять дело к рассмотрению, потому что дела пока еще нет: Штаубе-Майер был, видимо, судим, наказан, затем освобожден... Дело, я думаю, закрыто...

СТЕПАНОВ. Но эти новые показания Жоржа Наха позволяют вам...

КРОС /перебивает/. Эти показания позволят вашим противникам, а значит и противникам Форста, - начать против вас атаку и загнать в угол... А несчастный старик окажется в оди-

ночестве...

СТЕПАНОВ. Вам жаль Форста?

КРОС. Я прокурор, господин Степанов, я служу закону, я прокурор. А вот вам стоит подумать о себе.

СТЕПАНОВ. Ознакомились с моим делом?

КРОС. Дела пока еще нет. Меня ознакомил шеф с вашими данными...

СТЕПАНОВ. Я в чем-то нарушил закон?

КРОС. Если бы вы решились на это, то отвечать бы вам пришлось по всей строгости: мы не делаем привилегий ни знаменитым иностранцам, ни высокопоставленным лицам нашей республики. Мы пасуем лишь перед депутатами бундестага... Лишь перед ними... В деле Форста - тоже...

СТЕПАНОВ. А вот теперь мне ясно, как следует поступить. Можно вопрос?

КРОС. Пожалуйста.

СТЕПАНОВ. Отчего вы помогли мне этим советом?

КРОС. Оттого, что нашу вину перед русскими надо еще отмаливать, господин Степанов... Честь имею.

БЮРО ГРАФИНИ ДЕДХОФ.

ДЕДХОФ. Объясните мне, господин Степанов, почему вас так заботит дело Форстов?

СТЕПАНОВ. То есть как?! Человек в беде, он попал...

ДЕДХОФ /перебивая/. Он никуда не попал! Он сунулся в драку, а в этой драке надо уметь стоять насмерть. Ему еще, может быть, придется столкнуться с тем, что жену обвинят в

содержании подпольного борделя для наркоманов, а его самого в конце концов объявят внуком Мао Цзэдуна... Либо пусть умеет драться, либо — надо сидеть в саду и разводить помидоры...

СТЕПАНОВ. Он разводит яблоки...

ДЕДХОФ. В будущем году цена на помидоры вырастет примерно на восьмую часть пфеннига за фунт, так что выгоднее заниматься томатами... И потом психам опасно лазать по лестницам, с которых опыляют яблони...

СТЕПАНОВ. Если псих упадет с такой лестницы — не страшно, они живучие. А вот коли грохнется редактор газеты, которая раньше поддерживала психа, — тогда смеху будет хоть отбавляй, не так ли?! А что может быть страшнее смеха в политике?! Хорош редактор, восхвалявший ненормального идиота и маньяка!

ДЕДХОФ. Вы шантажируете меня?

СТЕПАНОВ. Что вы! Просто я лишний раз убедился, как вы правы: коли сунулся в драку, надо стоять насмерть...

ДЕДХОФ. Я с самого начала угадала, что у вас крепкие зубы... /Снимает трубку телефона./ Соедините меня, пожалуйста, с депутатом Реггером. Благодарю. Добрый день, мой дорогой доктор Реггер.

РЕГГЕР. Добрый день, дорогая Эдит, как поживаете?

ДЕДХОФ. Прекрасно. Вы, конечно, знаете, что нашего с вами архивариуса хотят упрятать в дом убогих и установить над ним опеку.

РЕГГЕР. Впервые слышу!

ДЕДХОФ /Степанову/. Врет. Но иначе ему нельзя! /Рег-

геру./ Да, мой дорогой друг, увы, это так. Думаю, нам будет не очень-то приятно, если накануне выборов оппозиция раздует кампанию в своей прессе, что вы - кандидат маньяков, что именно вы запрашивали федеральное правительство по поводу индивидуальной деятельности умалишенного. Это, я боюсь, обернется против вас, доктор Реггер.

РЕГГЕР. Против НАС, моя дорогая...

ДЕДХОФ. Увы, против вас, хотя я готова к бою. Я ведь не запрашивала парламент, я лишь выдвинула идею, которую вы столь великодушно и стремительно подхватили...

РЕГГЕР. Я и впредь готов подхватывать ваши идеи, мой друг...

ДЕДХОФ. Ну и договорились...

РЕГГЕР. Думаете, мой визит к шефу прокурора Кроса может помочь несчастному... э... как же его имя?

ДЕДХОФ/Степанову/. Про прокурора Кроса он откуда-то знает, а несчастного Форста, видите ли, забыл... /Реггеру./ Я тоже запамятовала, но это не трудно восстановить: стоит только поглядеть ваш недавний запрос и ответ вашего коллеги по федеральному правительству...

РЕГГЕР. Видимо, я так и поступлю. До свидания, дорогая.

СТЕПАНОВ. Неужели Реггер войдет в драку?

ДЕДХОФ. Он же хорошо понимает перспективность русского фактора в мире!

/Мгновенная темнота.

БЮРО ПРОКУРОРА КРОСА./

КРОС. Дорогой Дорн, я чувствую, чьи уши торчали из-под берета господина Опитца! Спасибо депутатам бундестага - защити-

ли Форста! Я полагаю, что продолжение мучений инвалида войны Фрица Форста будет неверно понято общественностью Федеративной республики... У вас ничего нового в связи с этим делом?

ДОРН. А почему у меня должно что-то быть? Не я начал дело против Форста, а вы... Я теперь ничего не предпринимаю, не посоветовавшись с вами... Ваш шеф звонил сегодня утром моему шефу, тот вызывал меня, я ответил, что слыхом не слыхал о Форсте после того, как прокурор Крос однажды щелкнул меня по носу и потребовал фактов, а не догадок...

КРОС. Подготовьте мне, пожалуйста, справку - подробную, объективную справку. А что у вас еще есть по этому самому Опитцу? Скользкий тип?

ДОРН. Опитц? А кто это? Впервые слышу от вас это имя...

КРОС. Рассказать?

ДОРН. Был бы весьма признателен...

КРОС /подходит к стенке, вешает на нее портрет Штаубе-Майера/. А этого человека вы знаете?

ДОРН. Очень стертое лицо. Как монета в пятьдесят пфеннигов...

КРОС. Я рассчитываю на определенный ответ, господин Дорн.

ДОРН. Уж не хотите ли вы задать мне этот вопрос как прокурор?

КРОС. Именно так.

ДОРН. Господин Крос, вы достаточно серьезно продумали комплекс сложностей, которые могут последовать вслед за такого рода решением?

КРОС. Да.

ДОРН. В таком случае я был бы рад получить от вас официальное приглашение на допрос.

КРОС. Считайте, что получили.

ДОРН. Тогда разрешите и мне поставить вам вопрос: вправе ли вы оперировать материалами, полученными от красного журналиста?

КРОС. От кого к вам пришла информация о визите ко мне красного журналиста?

ДОРН. Я не приучен открывать имена своих информаторов.

КРОС. Хорошо... Меня устроит определенный ответ по поводу Штаубе-Майера - в любой удобной для вас форме...

ДОРН. Заявление типа "я становлюсь старым, память может мне изменить" - вас удовлетворит?

КРОС. На данном этапе - да... А в принципе, меня бы вообще устроил ваш выход на пенсию.

ДОРН /после долгой паузы /. То есть вы хотите дать мне понять, что выход на пенсию оградит меня от дальнейшей нервозности?

КРОС. Нервозность - на вашем языке - судебный процесс?

ДОРН. Хотите напугать меня?

/П а у з а./

КРОС. Мистера Макговерна вы тоже не знаете?

ДОРН. Я знаю мистера Макговерна, знаю, как и вы. Это истинный патриот европейско-американского оборонительного содружества, борец за свободу и демократию, наш большой друг...

КРОС. Все верно. Только я еще знаю его как человека, вывезшего из Кельна и Мюнхена в сорок пятом году сто двена-

дцать наших наиболее талантливых ученых...

ДОРН. Вы верите слухам, сработанным Советами?

КРОС. Среди этих ученых был мой отец... Всего доброго...

ДОРН и ШТАУБЕ.

ШТАУБЕ. Я освобождаю вас впредь от дальнейших забот о Форсте. Советую подумать о своей дальнейшей судьбе - срочном уходе на пенсию... А пока не откажите мне в любезности: попросите вашего секретаря заказать мне билет в Сицилию - без палермской мафии мы не разрубим узел... Я вернусь сегодня с последним рейсом... До моего возвращения оставьте Форста в покое. Есть вопросы? /Пауза./ Ну и прекрасно...

К А Ф Е.

ФОРСТ и СТЕПАНОВ.

ФОРСТ. Вы понимаете, что случилось, мой друг?

СТЕПАНОВ. Отчего так драматичен вопрос? Ваше дело закрыто, Опитц сник, впереди работа, жизнь прекрасна!

ФОРСТ. Вы всегда так веселы?

СТЕПАНОВ. Если я плачу, то по ночам, чтобы никто не видел... Зачем доставлять радость завистникам?

ФОРСТ. Преклоняюсь перед оптимистами. Вы - аномалия... В принципе-то, человек с младенчества боится другого человека. Я замечал, как плакали мои дети, прятали лица на груди Эвы, когда к ним подходил чужой... Человек рожден для того,

чтобы быть одиноким, — увы, это генетический код мыслящих двуногих... Но при всем этом человек — будучи явлением парадоксальным — постоянно тянется к другим людям. Аномалия. Вы не понимаете, что случилось... Эва, кстати, шлет вам привет... Встанет через неделю... Окончательно сдали нервы у бедняги, она не верила, что вы сможете включить в наше дело такие силы... Спасибо вам...

СТЕПАНОВ. Да будет, право... Еще пива хотите?

ФОРСТ. Я бы водки с удовольствием выпил...

СТЕПАНОВ. Наконец-то! Что значит наше влияние!

ФОРСТ. Все эти трудные недели я не раз проклинал тот день, когда поддался уговорам Эвы и пришел к вам, в бюро. Нам было горько, что нас не слышат на родине, но мы хоть знали тогда, что наутро проснемся... Впрочем, сейчас я не смею жалеть... Я ведь тогда очень боялся, что вы, как и все, откажетесь писать о нашем поиске... Почему, кстати, вы решились?

СТЕПАНОВ /после паузы/. Знаете, Фриц, у американцев, славных в общем-то людей, нет еще своей культуры, слишком молоды: всего 200 лет им... Так они культуру всего мира скупают, везут к себе в музеи... А нам — больше тысячи лет, и культура поразительна. А как мы знаем свою культуру? Как храним ее? Как ценим? Поэтому я о вас и написал... А вы? Отчего вы начали свой поиск?

ФОРСТ. Укрывание краденого такое же преступление, как и само воровство... Да... но вы еще не понимаете, куда привел нас поиск иконы 891, еще не понимаете, что любым следующим шагом мы можем разворошить весь улей...

СТЕПАНОВ. Ну и прекрасно...

ФОРСТ. Я подчас теряюсь! Вы себя играете, или вы такой на самом деле?

СТЕПАНОВ. Наверное, немного играю...

ФОРСТ. Зачем?

СТЕПАНОВ. Чтобы дразнить недругов...

ФОРСТ. Смысл?..

СТЕПАНОВ. Черт его знает...

ФОРСТ. Слушайте. Это запись моей беседы с начальником личного штаба рейхсфюрера СС генералом Карлом Вольфом - он начинал переговоры с Даллесом в Швейцарии весной сорок пятого... Может быть, вы слыхали о нем?

СТЕПАНОВ /рассеянно/. Карл Вольф сейчас живет в Дармштадте. Его телефон 291-287. Обедает в ресторане "Трес эстрелас", Жалуется, что ему платят всего 300 марок пенсии в месяц...

ФОРСТ. Вас обязательно посадят...

СТЕПАНОВ. Жаль. За что?

ФОРСТ. Не знак, но за что-нибудь да посадят... /Задумчиво./ Почему Вольф лгал мне о замке Голомберг? Он очень много знает об этом замке. Почему он мне лгал? А это - запись беседы с рейхсминистром вооружения Шпеером. Он, наоборот, предупреждал меня: "Бойтесь Вольфа... Он и его люди не простят вам вашего интереса... Я виноват перед немцами, перед русскими - поэтому я так говорю вам... Гуманизму, ощущению вины я учился в тюрьме Шпандау, начав читать русскую литературу..."

СТЕПАНОВ. Вы в растерянности... Почему? Я вас впервые таким вижу...

ФОРСТ. Потому что я сейчас почувствовал, что смогу дока-

зять наличие таинственной цепи. Все эти форетцы, бундсхавены, вольфы и многие другие связаны в единую цепь, понимаете?... Законспирированную, мощную, ждущую своего часа... И упирается эта цепь в то имя, которое... Словом, профессор Колер прав — я нашел документы о том, что именно Гитлер был владельцем всех культурных ценностей, похищенных Розенбергом, именно он, "идеалист Гитлер"...

/К Степанову подходит ОФИЦИАНТКА./

ОФИЦИАНТКА. Вас просят к телефону.

/СТЕПАНОВ выходит./

Выстрел. ФОРСТ падает. Грэммит музыка./

БЮРО "НАБЛЮДЕНИЯ"

ДОРН стремительно проходит посты полиции, молча пожимает руки своим сотрудникам.

ДОРН. Кто бы мог подумать, что таинственные силы извне вторгнутся в это дело?! Красные бригады из Италии — их почерк... Спасибо за то, как вы выполняли свой долг, друзья... Мы найдем тех, кто убил Форста... С русского наблюдение снимайте, он нам теперь не интересен, его работу можно считать оконченной... Все, связанное с поиском и попыткой вывоза коллекций картин, икон и архивов, нас более не интересует, ибо этим заниматься отныне некому...

/Мониторы, посредством которых шло наблюдение за Степановым гаснут./

БЮРО СТЕПАНОВА.

СТЕПАНОВ /включает диктофон, начинает диктовать/. А вообще-то, что я знал о Форсте? Что мы вообще знаем друг о друге? Где наша пристальность? Подробность - удел таланта. Пристальность - это и есть подробность... А сколько их, талантливых, на земле? Только нечестный ответит - "много". Нет, талантливых, то есть особо пристальных, ранимых, добрых, - куда как мало... Фриц был талантлив - только поэтому он делал свое дело. А талант - это справедливость... И еще... он научил меня принимать решения, потому что сам принял свое главное решение - помнить... Память только тогда деятельна, когда она обращена в будущее...

/Затемнение.

ГОЛОС АВТОРА и его проекция на мониторе, если монитора нет - на фотографии./

Эта история не выдумана, по вполне понятным причинам в ней лишь изменены некоторые фамилии... Выявление русских ценностей, похищенных нацистами, - архисовременная проблема. В январе и феврале 1981 года в Лондоне, Мюнхене, Лозанне, Гамбурге и Лихтенштейне прошли переговоры, в результате которых создан Комитет Честности по отношению к русскому искусству, похищенному нацистами.

Слово Жоржу Сименону. /Звучит голос Сименона./ "Я как член Комитета настаиваю на возвращении русских ценностей, награбленных гитлеровцами в Советском Союзе..."

...В работу Комитета включились Джеймс Олдридж из Лондона и Фридрих Хитцер из Мюнхена...

Слово видному общественному деятелю барону Эдуарду фон Фольц Фейну. /Звучит голос барона./

"Москва. Театр "Современник". Дорогие русские друзья! От всего сердца приветствую Ваш вклад в создание Комитета Честности, идею создания которого так искренне поддержал Марк Шагал, когда я и мой друг Юлиан Семенов были у него в гостях в Сан-Поль-де-Ванс в сентябре 1980 года, обсуждая вопрос о необходимости сохранения произведений русского искусства, оказавшихся на Западе.

Передаю в день премьеры пьесы "Поиск 891" в дар вашему театру уникальную картину старинного художника "Петр Великий". Мне удалось спасти ее во время аукциона в Париже в 1979 году, уплатив 15 000 франков, чтобы не дать ей бесследно исчезнуть".

К о н е ц

